

тивно устанавливается любой референт¹, и как итог переключающей стратегии, как последнее самоотрицание текста. Это и происходит в данном случае, когда «логическое» переключение из мира Вы в мир Я (IV)—(V) отрицается «внелогическим» переключением из мира Я в мир Другого (V)—(VI). Закономерно появление этой модели и в других лирических финалах.

Введение самоявленного Другого, как бы наугад взятого из большого мира, — регулярная концовка Горация. Д р у г о й персонален, но не индивидуален: он существует в другом мире — реальном, но не совпадающем с миром автора.

В оде II,14 речь идет о быстротечности жизни. Повествование ведется от лица «мы». Однако последняя строфа вводит «сценку из будущего», в которой действует самоявленный «наследник» (heres):

Возьмет наследник вина, хранимые
За ста замками, на пол расплещет он
Цекусских гроздей сок, какого
Даже понтифики не пивали.

(пер. З. Морозкиной)

Здесь же, обособленные модальной рамкой, появляются «понтифики», которые принадлежат к самому устойчивому и несомненному для Горация миру — миру, в котором существует Римская империя. Стихотворение о тщетности земной жизни заканчивается утверждением множественности земных миров. (Ср. также бытовую конкретность «девы» (puella) в финале 3 эпода.)

Д р у г о й представлен не только как характер, но и как субъект сознания. В финале оды IV,6 предполагаемая «жена» говорит из своего будущего о «поэте Горации» (vates Horatius), который «дал ей размеры». Автор для нее так же неопределен, как и она для автора, но это именно Автор. Тем самым осуществляется обратное переключение из мира Другого в мир Я и устанавливается полная симметрия между этими мирами.

Такую же роль alter ego играет у Пушкина «несчастный друг» в финале «19 октября» и «мой внук» в финале «Вновь я посетил...». Ср. последний финал:

... Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

В актуальном мире говорящего «мой внук» отсутствует. Однако в возможном будущем мире его существование настолько конкретно, что он становится носителем психологической перспективы, замещающим автора.

Нет оснований видеть в финале «Я вас любил...» именно посмертное пророчество, как в приведенных примерах, но симметричность и дополнительность мира Я и мира Другого очевидны и здесь. Таким образом, подтверждается эпистемическая функция этого финала: он вводит реальный мир как «арену возможностей» и как область коммутации Я и не-Я.

Все существующие трактовки «Я вас любил...» исходят из того, что последняя строка референтна в том же мире, имеет те же условия значимости, что и предшествующий текст. В ней видят, например, «прорыв альтруистического чувства» [15] или «нотку ревности» [10]. Но говорить о чувствах автора можно лишь в том случае, если «включен» его мир.

¹ Ср. перечисления слов и предметов в «Евгении Онегине»: *Находит азбучным порядком / Слова: бор, буря, ведьма, ель . . . ; Мелькают мимо будки, / Бабы, / Мальчишки, лавки, фонари..*